

Полина Луро Враг мой

Полина Люро Враг мой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68870844

SelfPub; 2023

Аннотация

Их семьи издавна враждовали, и с самого детства она привыкла считать его своим врагом. Но что делать, если у судьбы другое мнение?

Полина Люро

Враг мой

Я всегда его не терпела, даже видеть не могла, так он мне был противен. И дело не в том, что наши семьи издавна враждовали, хоть никто уже и не помнил причину, из-за которой всё началось. Просто мне не нравилось ловить на себе его простодушный невинный взгляд. Эти прозрачные, небесной синевы глаза и алые, как у девушки, губы — *бесили*. И зачем он так подолгу на меня смотрел?

И ладно бы это началось недавно, так нет же — он был таким с самого детства. Настоящий болван, не от мира сего. Дрался он хорошо, понятно же — уродился бугай, но вот стоило мне ввязаться в драку, защищая братьев в игре, как тут же начинал улыбаться, пропуская удары и терпел побои, так что все вокруг над нами смеялись. Дурень, я никогда не просила давать мне поблажки... Он же *враг*.

И когда мы всем скопом собирались в избе деда Данилы, обучавшего нас грамоте, всегда садился рядом, заставляя меня кривиться и пыхтеть. Сам же только усмехался, легко перенося щипки и толчки под рёбра. Стоило же кому-нибудь из ребят шутливо дёрнуть меня за косу, сходил с ума и лез в драку. Ну кто его об этом просил? У меня свои защитники есть — братья, пусть и младшие.

Все уже тогда над нами посмеивались:

– Ну что, Марья, когда Нил к тебе сватов зашлёт, небось, сговорились уже?

Я на эти слова засучивала рукава, а он — только смеялся, долго и заразительно, а мои глаза всё никак не хотели отрываться от ямочек на его щеках...

А потом мы подросли, мечтая стать меткими охотниками — не было в клане никого, кто стрелял бы из лука лучше нас двоих. Вечные враги, мы соперничали во всём: приносили добычу из леса, и каждый раз после охоты в моей сумке её оказывалось больше, чем у него. Я начала подозревать, что тут дело нечисто. Он смотрел, как я радуюсь победе над ним, и только ухмылялся, а из-под овчины торчал хвост спрятанного зверька. Кто просил его так поступать? Не понимаю...

В самом конце зимы неожиданно пришла беда. Родители отослали меня в соседнее поселение с поручением, и когда на следующий день я вернулась, вместо родного дома застала обуглившийся остов и разрушенную печь. Не было больше нашего клана, остались лишь сгоревшие дворы и утыканные вражескими стрелами тела воинов. Несколько стариков, что прятались в лесу на заимке и потому сохранили жизнь, бродили между горелыми брёвнами.

Плача, они рассказывали мне, что молодых и здоровых увели в плен. Теперь несчастных ждала рабская доля, мои родители и братья были в их числе. Оставались ещё охотники, накануне ушедшие в лес, но они пока не вернулись. Я помогала старикам собрать тела погибших, тех ребят, с кем

ещё недавно играла и дралась, смеялась и пела песни. А теперь зажгла для них погребальный костёр...

У меня не было слёз, они застряли где-то глубоко внутри и не хотели проливаться, так что я не смогла даже оплакать свою потерю. Ушла от пылающего печального костра в сторону леса, надеясь на чудо: охотников — немного, но вместе с ними можно было попробовать догнать ушедший караван с пленниками. И попытаться их отбить...

Но и тут меня ждало страшное разочарование — напавшие на клан воины устроили засаду. Все пятеро охотников лежали на снегу, вражеские стрелы нашли каждого. И *он* был там — чуть в стороне от остальных, Нил до последнего пытался ползти в сторону уже полыхавших домов. Я вскрикнула и упала рядом с ним на колени:

— Как ты посмел, *враг мой*, умереть вот так, покинуть меня, оставив совсем одну? Что же ты наделал... — так долго сдерживаемые слёзы хлынули из глаз. Я упала ему на грудь и зарыдала.

И тут он застонал, заставив меня вздрогнуть и вскочить на ноги:

— Жив, жив... — повторяла, схватившись за голову, — что же делать?

Растерянно крутилась по сторонам, ожидая помощи, хотя знала, что она не придёт.

— Ведунья, что живёт совсем недалеко в лесу — мама не раз посылала меня к ней за отварами для младших братьев.

Она должна помочь, не захочет — заставлю...

Со стоном взвалила тяжеленного врага на спину и, согнувшись в три погибели, еле переставляя ноги, вязнувшие в глубоком снегу, потащила его в лес. Пот заливал глаза, было жарко, хотя на улице стоял мороз, моя перекинутая на грудь растрепавшаяся коса волочилась по сугробам, но я упрямо двигалась вперёд.

Остановилась у землянки, окружённой хилым плетнём, и страшным, срывающимся голосом крикнула:

– Эй, тётка Ная, открывай дверь, да поживее!

И видно было в этом вопле что-то особенно пугающее, потому что простоволосая ведунья выскочила на порог в одной рубахе и, взглянув на меня, ахнула. Я отпустила свою ношу на снег, со стоном распрямив одеревеневшую спину и, сняв с плеча лук, навела стрелу прямо ей в лоб:

– Лечи его, тётка... Если он умрёт, последуешь за ним.

Она гордо подняла голову и, сердито посмотрев на меня, сказала:

– С ума ты сошла, Марья! А ну, положи лук и хватай парня за ноги, вместе потащим в дом.

Послушно сделала, как она велела, и хоть сердце так и выскакивало из груди, спина не разгибалась, а руки и ноги дрожали от усталости, мы сумели занести его в дом. А потом, молча сидя на старом сундуке, смотрела, как ведунья хлопочет, вытаскивая стрелу и прижигая рану, прикладывая к ней тряпицу с мазью. У меня не осталось сил, но строгая Ная, не

поднимая глаз, буркнула:

– Рассказывай, что там у вас приключилось.

Я покорно кивнула. Слова сыпались из меня горохом, перемежаясь с всхлипами, но она всё поняла. Дала мне кружку с зельем и велела выпить, прошептав лишь одно слово:

– Бедняжка...

Она хмурилась, натягивая на себя полушубок:

– Пошли, Марья. Возьмём сани и отвезём тела охотников, их тоже надо предать огню, они не заслужили быть растерзанными голодными волками.

Я согласилась. Ведьмино средство прибавило мне сил, и мы сумели исполнить свой долг, позаботившись о погибших. Вернулись в землянку, когда уже начало темнеть. Ная закрыла дверь на засов, но тут кто-то отчаянно заскрёбся в неё с той стороны.

Ведунья прислушалась и открыла. Внутри тут же влетел большой лохматый пёс, верный друг Нила. Он сразу бросился к хозяину и, жалобно заскулив, устроился у лавки, на которой тот лежал.

Тётка Ная цыкнула на него, и собака присмирела.

– Нечего парня раньше времени хоронить, он — сильный, богиня поможет, справится. А ты, красавица, садись за стол, поедим, нам обоим нужны силы. Так кто он тебе, родня? Ишь, чуть не убила меня за него...

– Прости, тётяшка Ная, не в себе была, — всхлипнула я, утирая нос рукавом.

– Понимаю, так кто он?

– Мой враг...

– Что ж, *симпатичный враг*. За такого можно и побороться, — усмехнулась она, заставляя алеть мои щёки.

– Это не то, что ты подумала, просто не могла же я его бросить...

– Конечно, конечно, — хмыкнула ведунья.

Я осталась у неё в избушке, и пока она лечила Нила, работала не покладая рук: ходила на охоту, добывая нам всем пропитание, убиралась в доме, стирала, колола дрова. Изредка украдкой заглядывала за занавеску, чтобы узнать — как *он* там? Нила мучила лихорадка: его щёки пылали, губы потрескались и кровоточили, лицо покрывала испарина. Глядя на него, я не находила себе места...

Через несколько дней болезнь отступила, и молодой охотник быстро пошёл на поправку. Удивив всех, к дому пришёл конь Нила. Как он умудрился остаться в живых и разыскать хозяина — никто не понял. Я отвела его в хлев и кормила, приговаривая:

– Какой же ты молодец, Огонёк, вот Нил обрадуется...

А охотник тем временем начал вставать и потихоньку ходить по дому, ни с кем не заговаривая, словно всё время о чём-то думал. Ведунья сама рассказала ему о том, что стряслось. Он только кивнул, а в мою сторону ни разу даже не взглянул. Это было так на него непохоже — на душе стало горько и больно, словно меня ударили, а ответить я не мог-

ла...

На следующий день застала его у крыльца полностью одетым, он седлал коня. У меня упало сердце — *значит, уезжает*, впервые я сама заговорила с ним:

– Куда ты теперь?

Он пожал плечами:

– Куда глаза глядят: нашего клана больше нет. Остались лишь мы с тобой, Марьяша...

– Есть ещё старики, они сейчас на зимовье ушли, — зачем-то сказала то, что он и так знал.

Нил кивнул и вдруг улыбнулся:

– А ты что стоишь, иди скорее, собирайся. Не оставлю же я тебя здесь одну: мы — *враги* и должны друг за другом присматривать. Согласна?

Его глаза смеялись, а я смотрела и не понимала, о чём это он говорит. Краска залила моё лицо:

– А с чего это ты решил, что я куда-то с тобой поеду? — старалась как можно выше задрать нос, но сердце в страхе кричало:

– Не оставляй меня, только не оставляй!

И голос предательски дрогнул.

– Значит, не поедешь? Ну, ладно, — он притворно вздохнул, — так я и знал, потому попросил тётку Наю собрать твои пожитки, они уже в моей котомке...

С этими словами Нил, подхватив меня, посадил на коня, и, вскочив следом, уселся впереди.

— Ты что творишь, бесстыжий? — радостно вскрикнула я,
— совсем голову потерял?

— Да, и давно, с самого детства. И ты об этом знаешь...

Я крепко обняла его, зарывший лицом в широкую спину
и спрятав в ней свой смех:

— Не забывай, *враг мой* — попробуешь обидеть, тебе не
поздоровится!

— Никогда не сделаю этого, Марьяша... Обидеть невесту
— да ни за что на свете... Только ты крепче держи — я ещё
так слаб, вдруг нечаянно упаду. Придётся тебе снова меня
на себе тащить, — и *враг* рассмеялся.

Я легонечко стукнула его кулаком по спине, и он притворно
заохал. Сзади раздался смех ведуньи:

— Ну и славная получится парочка. Береги её, Нил, и пусть
хранят вас боги, дети...

Махнула ей рукой на прощанье, Нил пришпорил коня, и
мы неторопливо двинулись вперёд. Рядом, заливаясь счастливым
лаем, бежал верный пёс. Солнце пригревало щёки, в
утреннем воздухе звенела первая капля, совсем по-весеннему
заливались птицы...

А я радовалась новому дню, прижимаясь к *его* спине, зная,
что на щеках *моего врага* появились ямочки. Они всегда там,
когда он думает обо мне, счастливо улыбаясь. Прямо как я
сейчас...